

ДЖЕРЕЛОЗНАВСТВО, ІСТОРИОГРАІЯ ТА СПЕЦІАЛЬНІ ІСТОРИЧНІ ДИСЦИПЛІНИ

УДК 9(47+57)

«СКАЗАНИЕ» ИНОКА ПАРФЕНІЯ И ОБРАЗ ТУРКА В РОССИИ XIX ВЕКА

С. И. Муртузалиев

Муртузалиев С. И. „Разказът“ на монаха Парфений и образът на турците в Русия от XIX век. Статията представлява анализ на извора от XIX в. „Разказ за странстването и пътешествието в Русия, Молдова, Турция и по Светите места на атонския монах Парфений“ (1855 г.). Дълбоко ярващ православен християнин, след време авторът описва в тази книга видяното и чуто по време на пътешествието си. Така очертава образа на човека от друга култура – на турчина, религията и политиката на Османската империя към християните.

Ключови думи: Парфений; поклонничество; Атон през XIX в.; образ; турци; ислям; Османска империя; Русия.

Муртузалиев С. И. «Сказание» инока Парфения и образ турка в России XIX века. Статья основана на анализе источника XIX в. – «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника Святыя горы Афонския инока Парфения» (1855 г.). Автор с позиций глубоко верующего православного человека, исходя из всего увиденного и услышанного во время путешествия, позднее описывает это в своей книге. В результате вырисовывается инуюльтурный образ «Другого» – турка, его религии и политики Османской империи в отношении христианского населения.

Ключевые слова: Парфений; путешествие; Афон XIX в.; образ; турки; ислам; Османская империя; Россия.

Murtuzaliev S. I. Parthenii's "Story" and the Image of Turks in Russia of 19th century. The paper is based on the analysis of the original source of the 19th century, "Story about travelling through Russia, Moldova, Turkey and the Holy Land of the Athos monk Parthenii" (1855). Parthenii as a representative of the Orthodoxy, who strongly believed in his religion, and resting upon his travel impressions, described his trip in his book. Thus in the book one could find different cultural image of "Other" – that one of the Turk, his religion and the policy of Ottoman Empire towards Christians.

Keywords: Parthenii; pilgrimage; Athos in 19th century; image; Turks; Islam; Ottoman Empire; Russia.

Связи России с Востоком существовали с давних времен и, начиная с периода раннего средневековья, в значительной мере осуществлялись посредством паломничества христиан к православным святыням Иерусалима, совершавших «хожения» (хождения) в «Святую землю», находившуюся во владениях мусульманских правителей. С исламским миром Россию связывают многовековые исторические взаимоотношения, «при этом православие и ислам всегда проявляли устойчивую готовность к сосуществованию, основанному на большой ценности и духовной близости, несмотря на имеющиеся вероисповедальные различия»¹ и временами вспыхивавшие войны.

В современном глобализирующемся мире процесс расширения христианско-мусульманского междивизиационного диалога требует учета культурного многообразия и уникальности каждой цивилизации, необходимости познания своего соседа и себя. В этой связи возрастает интерес к сравнительному изучению различных стран и народов, исследованию системы представлений, восприятия друг друга, к оценке «инаковости другого/чужого» на основе собственной системы ценностей, что способствует самоидентификации и сплочению нации. Как отмечает Н. А. Ерофеев, «образы-представления занимают ключевое положение в ментальности: именно в образы отливаются важнейшие мысли и чувства, волнующие общество в данную эпоху, в них фиксируется картина мира, опосредованно отражаются общественные институты и устоявшиеся формы быта»².

Свидетельством актуальности темы служат события последнего времени в Турции, Сирии, иных странах исламского мира и в Европе, содрогающейся под напором нахлынувших мусульман. В лице мигрантов и беженцев Восток (как и Азия. – С. М.) «ментально проникает, пронизывает и изнутри до некоторой степени преобразует Запад»³ и Россию. В данном аспекте рассматриваемая проблема приобретает особое научное и практическое значение для осмысления образа Востока как образа «Иного» в деле выстраивания отношений России с мусульманским миром, который превратился в один из важных факторов международной политики XXI века.

Российской дореволюционной наукой накоплен солидный опыт изучения культурно-религиозных связей Русского государства с мусульманским Востоком. Значительный вклад в изучение «хождений» сделан советскими исследователями. Неизбежно обращаясь к религиозным мотивам паломничества, религиозным настроениям и т.п., отечественные ученые рассматривали их в жанре географических путешествий⁴. Мнение о том, что хождения представляют собой географические труды, опроверг Н. И. Прокофьев, доказавший, что хождения – одна из форм художественной литературы, «но того периода, когда художественность носила особый отпечаток и значительно отличалась от художественности литературы Нового времени»⁵.

Современный этап в изучении истории взаимоотношений Ближнего Востока с Россией и в истории русского паломничества начался в последнее десятилетие XX века. Все чаще предметом научных исследований российских ученых в самых различных отраслях гуманитарного знания становится религиозная проблематика. Повышенное внимание к религиозноведческой тематике наводит на мысль об определенном социальном заказе. Многосторонним, в том числе и конфессиональным аспектам хождений и путешествий снова уделяется повышенное внимание и, как верно заметил В. П. Литвинов, популярность жанра хождений – паломнического подвига – «свидетельствует о том, какую важную роль имели тогда связи с Востоком. Именно они давали возможность русским людям ощутить себя частью огромного духовного и культурного пространства христианской цивилизации»⁶.

Цитируемый автор не случайно употребил словосочетание «паломнический подвиг», поскольку, направляясь к восточным святыням, паломникам приходилось преодолевать многие тяготы пути с риском для жизни. К периоду утверждения господства турок-османов на Балканах и на Востоке относится возрастание количества письменных памятников, связанных с хождениями. В связи с участвовавшими паломничествами на Святую Гору Афонскую (Балканы) и в Иерусалим уже в XVII веке в русско-турецкие договоры включаются статьи, отражающие интересы паломников, идущих в османские владения «с Московской стороны». К примеру, в договоре 1682 г. «указывалось: ... подорожные им давать, и им никаковы обиды и утеснения не чинить»⁷. В русско-турецких договорах от 3 июля 1700 г. и 18 сентября 1739 г. речь шла о том, что с паломников «нигде дань или гарач (харадж. – С. М.) или пескеш (пешкеш – подарок, взятка. – С. М.) да не испросится, ни за надобную проезжую грамоту деньги да не вымогаются. ... досада и озлобление да не чинится. ... и нигде от подданных Оттоманской империи дань или какой платеж да не испросится; но даны им будут потребные паспорта, и таким образом, как обыкновенно Порта снабждает подданных прочих наций, с Оттоманской империей в дружбе пребывающих...»⁸.

По Кючук-Кайнарджийскому мирному договору 1774 г. российские паломники формально получили правовую поддержку османских властей во время пребывания их на Святой Земле. Они стали платить меньше налогов, но условия их пребывания в Палестине остались, как и прежде, неудовлетворительными. Защита интересов русских православных паломников зафиксирована во многих других более поздних трактатах и договорах, заключенных между Москвой и Стамбулом.

Сложные военно-дипломатические отношения Российской империи с Оттоманской империей, культурные контакты, растущее внимание царского правительства и общества к южнославянским народам в XVIII–XIX вв. создавали ту среду, для которой информация о зарубежных славянах в османском государстве представляла первостепенный интерес⁹. Этому способствовали и резко возросшие в XIX в. возможности познания мира, что позволило некоторым исследователям уподобить активизацию путешествий с пандемией. Как и прежде, отправлявшиеся в мусульманские страны исследователи и туристы формировали

и поддерживали мифы об экзотике Востока, в нашем случае – о турках и завоеванных Османской империей народах.

Паломничество к святым местам, как неотъемлемый элемент религиозного сознания и церковного обычая, одновременно является и культурно-историческим явлением. Разнообразная по своему жанровому составу паломническая литература составляет огромный пласт отечественной и западноевропейской культуры. Термин «хождение» начинает выходить из широкого употребления уже с XVI столетия. В XVIII в. свои паломнические сочинения авторы именуют «путешествиями». Путешествия принято считать одним из основных жанров сентиментализма. В сентиментальном путешествии на первый план выдвинута личность автора, где в центре внимания оказывается внутренний мир человека. Однако, говоря о паломническом сочинении XIX в., следует сказать, что оно так и не получило в современном литературоведении научного осмысления. Паломническую литературу XIX в. трудно соотносить с исторически сложившимся жанром хождения. Сочинения паломников усваивают уже новые художественные тенденции, отражая историко-литературную ситуацию – лучшие сочинения вызвали живую реакцию современников. К одному из таких сочинений принадлежит книга инока Парфения – в миру Петр Агеев, а по другим источникам – Петр Андреев (1806/7–1878).

Наша статья посвящена уникальному литературному произведению XIX в. – книге «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника Святыя горы Афонския инока Парфения» в четырех частях. Основным источником исследования служит второе исправленное издание «Сказания» (1856 г.); первое издание было опубликовано в 1855 г. Книга представляет для нас интерес тем, что большая часть путь Парфения пролегла через земли, завоеванные турками. В этом аспекте данный источник ещё не привлекал внимание исследователей.

Биография бывшего в Молдавии раскольника, затем игумена Парфения (Агеев/Петр/Андреев)* – постриженника русского Пантелеймонова монастыря на Афоне, странника Христа ради и видного церковного писателя, изучена довольно хорошо¹⁰. Известно, что детство Петра, как он сам вспоминал, «было как духовная академия и училище благочестия». Семья богатого купца-старообрядца, усыновившая сироту, питала мальчика «пищею телесною и духовною, и приготовили <...> к иноческой уединенной жизни»¹¹. В Бело-Криницком старообрядческом монастыре близ Карпатских гор он был пострижен в монашество под именем Паисий, но позднее перешел в православие.

После разорения Афона турками в 1821–1829 гг. русские люди снова получили возможность приходить на Святую Гору. Движимый желанием «спутешествовать в пресловутую святую Афонскую Гору, как в тихое и небурное пристанище ... Сие желание имел я с самых юных лет жизни моей»¹², напишет позже Парфений. В сентябре 1839 г. он вместе с иконописцем Никитой отправляется в путь. Движимый «промыслом Божиим», идет «сухим путем» не как обычный путешественник, жаждущий новых впечатлений, а как человек глубоко верующий, наслышанный о святости Афона, восхищающийся житиями святых и сам хотевший подражать им. Тем не менее, он путешествовал с открытыми глазами и впоследствии рассказывает только о том, что сам видел и пережил. Достигнув возжеланного Афона, по благословению св. отца Арсения Парфений поступил учеником к будущему великому старцу Иерониму (Соломенцову; на тот момент – монах Иоанникий), духовнику Свято-Пантелеймонова монастыря, столпу духовному русского Афона. Иеросхимонахом Арсением Петр Агеев был пострижен в мантию (иноческий чин) и «наречен имени Памва, т.е. многостранствующий»¹³, а в первую неделю Великого поста 1841 г. принял схиму с именем Парфений.

* В Центральном Историческом архиве Москвы (ЦИАМ) были обнаружены уникальные исторические документы, среди которых «Список о настоятеле Николаевской Берлюковской пустыни иеромонахе Парфении» (ЦИАМ. Ф. 709. Оп. 1. Д. 125), где есть запись о его мирском имени и фамилии – Петр Андреев. В этом документе впервые официально упоминается мирское написание данных отца Парфения. Отсюда можно заключить, что Андреев – это или его фамилия, или отчество (Петр, сын Андреев), что вероятнее всего. Существуют и другие версии относительно мирского отчества и фамилии отца Парфения, но Александр Панин предлагает пока придерживаться традиционной формы написания фамилии отца Парфения – Агеев.

Когда в 1841 г. императором Николаем I была объявлена высочайшая милость на разрешение и дозволение сбора милостыни в России для афонских монахов, первым туда был послан Парфений для сбора пожертвований. Второй его целью было стремление обратить своих приемных родителей в православие, что и осуществилось. Но ввиду своей непрактичности, спустя почти три года, 2 января 1843 г., он возвратился на Афон с пустыми руками. 23 сентября 1845 г. схимонаху Парфению поручают покинуть Афон и отправиться в Россию «в Сибирскую страну ... в Томскую губернию» для борьбы с расколом и установления православия. Но прежде ему надлежит идти в Иерусалим, чтобы поклониться «Живоносному Христову Гробу и прочим св. местам». Следуя предписанию, Парфений прибыл в Иерусалим 30 октября, где прожил около шести месяцев. После Иерусалима возвращается на Афон и через полгода, 23 ноября 1846 г., отправляется в Константинополь. Здесь Парфений получает от Оттоманской Порты открытый фирман на право ехать в Россию и 18 марта 1847 г. морем отправляется в Молдавию. Из-за непогоды судно останавливается у берегов Варны, но на берег Парфений не сходит. 28 мая 1847 г. он прибывает в Россию.

11 сентября 1847 г. схимонах Парфений прибыл в Томск где познакомился с епископом Томским и Енисейским Афанасием. Именно преосвященный старец Афанасий побудил и благословил Парфения начать писать книгу о своих странствованиях. В 1855 г. увидело свет главное его произведение – «Сказание о странствии и путешествии...», которое сразу получило высокую оценку современников (см. ниже).

В 1870–1871 гг. осуществилось давнее желание Парфения вновь побывать на святой горе Афонской и в Иерусалиме. В Россию он вернулся 31 мая 1871 г. Александр Панин* пишет: «Согласно большинству троичских документов, игумен Парфений на 73 году жизни покинул земной мир 17 мая 1878 года, ... похоронен 19-го числа в Троице-Сергиевой лавре на Смоленском кладбище¹⁴. Покойный игумен оставил после себя неизданный пятый том «Сказаний» о странствованиях своих, заключающий его собственную автобиографию, заканчивающуюся 26 июня 1854 г. (до начала его трудов на Московской земле) словами о намерении описать в шестой части все последующее его странствие¹⁵, но не успел осуществить задуманное.

Архимандрит Никон (Рождественский) писал о Парфении, что это «был цельный русский человек: прямодушный, неспособный к тем сделкам с совестью, к каким нередко прибегает рационалист-европеец в вопросах веры и христианской нравственности. Он вырос вне всяких европейских влияний, не учился ни в каких школах и всем своим духовным настроением и литературным развитием обязан не школе, не науке, а той церковности воспитания, которая составляет отличительную черту истинно русского человека»¹⁶.

У российских читателей книга получила восторженные отзывы, хотя Парфений указывал, что у него не было серьезных амбиций при описании своих путевых впечатлений, что «не учен внешней премудрости, груб есмь и невежда словом»¹⁷. Если наш автор имел в виду, что в школе не учился и ему неведома так называемая «мирская» литература, заботившаяся о красоте слога и т.п., тогда это может соответствовать действительности. Но в другом случае отец Парфений явно скромничает, ибо в Томском Архиерейском доме он упорно занимался и делами книжными: «Собрал я, – пишет автор, – воедино из разных книг слова и беседы разных святых отцев на Господские и Богородичные праздники, на русском языке, всего более осьмидесяти, в двух книгах, и назвал сие собрание Торжественник... Еще составил книгу, в трех частях, в которой собраны повествования о разных особенно замечательных вещах и случаях, мною виденных и слышанных». Пользовался он и библиотекой преосвященного Афанасия, большого книголюба и просвещенного человека своего времени. В библиотеке были книги на греческом, латинском, сирийском, еврейском, немецком, французском, английском, русском и славянском языках. Все это книжное богатство Парфений читал и изучал с помощью Афанасия, свободно владевшего несколькими языками. Занимались духовные братья также историей, философией, географией и астрономией¹⁸. Опасения автора «Сказания» приобрести «маловременную славу»

* Александр Панин – заместитель директора «Фонда “Возрождение Николо-Берлюковского монастыря”», директор монастырского церковно-исторического музея.

оказались реальностью сразу после первой публикации книги. В 1855–1860 гг. в различных периодических изданиях были опубликованы пять статей, посвященных Парфению и его сочинению. О высоком таланте отца Парфения писали выдающиеся умы того времени: С. М. Соловьев, Н. П. Гиляров-Платонов, А. А. Григорьев, И. С. Тургенев, М. П. Погодин, М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. П. Гиляров-Платонов¹⁹. А. В. Дружинин заметил об авторе «Сказания»: «Или я жестоко ошибаюсь, или на Руси мы еще не видали такого высокого таланта со времен Гоголя»²⁰.

Отдавая дань уважения выдающемуся паломнику, духовному писателю и публицисту XIX в., схиигумену Парфению (Агееву), начиная с 2008 г. в Паломническом центре Московского Патриархата стали проводиться церковно-научные конференции, устраиваются выставки фотографий, посвященные Парфению²¹.

Приступая к анализу его путешествия, сразу заметим, что специфику религиозного восприятия автора и все, что связано с православным вероучением и церковью, мы не затрагиваем. В произведении Парфения нас интересует турецкая адресность информации, окрашенная конфессиональными и политическими симпатиями и антипатиями, характерные стереотипы и образ турок. К.-Я. Козак обращает внимание на то, что, «несмотря на различную степень достоверности текстов, всем запискам о других цивилизациях и культурах, даже если некоторые из них написаны на основе длительного пребывания в стране, присущ один (необходимо ограниченный) хронотоп. Око автора – как своеобразное «око» камеры – имеет свои ограничения: с точки зрения феноменологии оно может видеть и фиксировать лишь явления определенного момента или определенного времени», что ни на йоту не умаляет значения путевых очерков²².

Следующий важный момент заключается в том, что именно на основе инокультурных стереотипов возникают так называемые «образы», которые отличаются от стереотипов полнотой, большей гибкостью, меньшей эмоциональной составляющей; они включают в себя, как правило, личный опыт, и возникают в индивидуальном порядке, а не передаются готовыми, как стереотипы²³. Образ другого, как сложная, синтетическая категория являет собой динамическую систему представлений и мнений, обладающую как стереотипными, так и дифференцированными чертами, как рациональными, так и эмоциональными компонентами.

Отправляясь на Афон, Парфений узнает, что паломникам надо «платить туркам великия дани, и с каждого человека платить харач. А ежели идти посуху, то есть великия горы, и в них множество разбойников-арнаутов...»²⁴. Информация эта неоднократно подтвердилась уже в ходе путешествия.

Будучи глубоко набожным христианином, Парфений, разумеется, все отрицательные черты турок связывал с их религией – исламом, историю возникновения и распространения которого излагает в духе своего времени.

Христос посрамил своего врага дьявола и тот «со стыдом бежал на юг, в дикую пустыню; и там скитавшись по горам и утесам, как побежденный воин, нашел одного пастуха, именем Магомета, и избрал его себе жилищем и удобным своим сосудом, и вселился в него, ... а потом и начал им действовать, что хотел, и дикие народы начали его почитать, как пророка. Магомет, по внушению дьявола, на прелесть и погибель человеков, придумал новый закон, потворствующий человеческим страстям, и оболытил многие дикие народы кочующие, и начал мечем распространять свой скверный закон»²⁵.

В Османской империи ислам стал не просто государственной религией, а системообразующей осью, вокруг которой концентрировалась жизнь общества. Ислам «прельстил в свой закон турок и турецкого князя, или Султана. И они устремились на Святую Христову Церковь и на ея чад, ... и не хотящих принять их закона мечем посекали; ... все христианские церкви и монастыри лютый змий, турок, разорыл и разрушал, а многия в свои поганые мечети превращал»²⁶. Потом турок «сей лютый змий греческия страны и острова, и нещадно проливал кровь христианскую, и пожинал род христианский, как незрелую пшеницу. Потом перенесся и в Европу, и повсюду церкви христианския разорыл, а иныя в свои мечети превращал, и повсюду в церквах Божиих поставлял мерзость запустения. ... но Церковь Христову не преодолел и не истребил. Она и донныне пребывает неодолима; аще и в неволе турецкой пребывает, но светится правую верою, и сияет древним благочестием. ... и христианскаго устремился и народа мало что убавилось, а хотя поганые

магометане некоторых и истребили, но за то препроводили их в вечную блаженную жизнь. И так посрамился враг диавол с своими слугами»²⁷.

На Востоке, пишет автор: «в Константинополе, в Сирии и в Египте, и по всей Греции возобладали безбожные и поганные магометане, и превратили древние христианские церкви в свои турецкие мечети; и в них перестала совершаться богоугодная служба, и приноситься бескровная жертва, ... и стала мерзость запустения на месте святом. ... Впрочем, до-конца в градах и в селах и в монастырях богоугодная служба совершаться, равно и Тело и Кровь Христова приноситься не перестали (т.е. обряд причащения вершился под обеими видами. – С. М.); но христиане построили другие малые церкви, в которых ежедневно совершают богоугодную службу...»²⁸.

В тексте «Сказания» образ турка все время рисуется одной черной краской с постоянным негативным рефреном: «злая рука турецкая», «турецкие злодеяния в отношении церквей и людей», христиане начали строить новую большую каменную церковь, но «турки не дают завершить. Вот что делает злая рука турецкая!» и т.п.²⁹. Тогда как в одном только «татарском граде Базар-Чук ... тридцать турецких мечетей»³⁰.

Единственное светлое пятно (островок) «то чудо, что более четырех сот лет Афонская Гора находится под тяжким игом турецким, что по всей Турции, по селам и по градам, все церкви и монастыри разорены, а хотя и есть вновь выстроенные, но и то без куполов и без крестов, без колоколов и без звонов, наподобие домов; но здесь (на Афоне. – С. М.) видим не так, а в полном христианском благолепии»³¹.

Парфений сообщает, что в апреле 1841 г. одному турку в Константинополе ночью явился Святой Николай, по совету, а потом и под угрозой которого турок стал копать в том месте, где, как сказал святой, находилась его икона и забьет источник. К ужасу турка стала появляться вода. Пошел он к султану и сказал: «Светлейший Султан! Руби мою голову: ибо буду чужую веру хвалить». Султан вместе с патриархом прибыл на место и приказал копать «и вдруг бросилась вода, и икона вышла с водой». Султан приказал привести больного, которого напоили этой водой и обмыли, и тот «сделался здоров». И семь дней «творились многия чудеса». Тогда «взбунтовались великие духовные турецкие: ... пошли к Султану, и с гневом сказали: «когда ты хочешь быть христианином, то принимай христианскую веру, а на обе стороны не хромай. ... ты должен это прекратить, а то сам ответишь». Испугавшись, султан «послал тот же час войско, и всех со двора выгнали, воду засыпали. А икону неизвестно куда дели; хозяина из дому вывели, и дом запечатали, и поставили у ворот двоих часовых»³².

Интерес представляет и сюжет, связанный с мечетью, построенной султаном более ста лет назад, «но турки в нее Богу молиться не ходят, и его гнушаются, называя ее поганой; потому что который Султан ее строил, поверовал во Христа». Опуская подробности, сообщим, что султан задался вопросом, «что есть вера христианская? И что есть вера магометанская? Кто был Христос, и кто был Магомет?». Призвал султан «великих муфтиев, ... дервишей и муллов, и всех старших пашей» и потребовал ответа на свои вопросы. Они отвечали: «... когда Бог увидал, что Иисуса народы не послушали, и закон Его не могли принять, потому что он очень строг и тяжек; то Бог послал другаго великаго пророка, Магомета, предать народам закон полегче». На вопрос султана: «а кто на втором суде будет судить род человеческий?» Они отвечали: «великий Пророк Иисус Христос». Султан спросил: «а Магомет что будет делать». Они отвечали: «Бог Магомету с его магометанами даст особое место, где он будет покоиться. ... а Иисус Христос ... будет судить ... весь прочий мир и Своих христиан». На вопрос султана: «за что же Он будет судить Своих христиан, когда они в Него веруют?» Они отвечали: «за то, что они Его почитают равна Богу, и Сыном Божиим именуют». Султан удивился: «только за это?» «Это что-то несправедливо. ... Он за то их будет мучить; а мы Его ненавидим и гоним, а Он нас помилует, – это совсем не приходится. ... ступайте, и подумайте хорошенько; и дайте мне ответ» через три дня. По прошествии трех дней они дали тот же ответ, что и прежде. Тогда султан заявил: «А когда так, что Судия будет один Иисус Христос, то Он Своих христиан никогда не осудит; потому что они в Него веруют, и Его любят и почитают, и Его волю исполняют. А Он осудит тех, которые Ему не веруют, и Его повелений не исполняют ... тех воистинну уже предаст вечному мучению». Султан встал и объявил: «теперь вы, как знаете; а я верую Тому, Кто судить будет, то-есть, в Иисуса Христа». Тогда турки все взбесились, вскочили

и бросились на него, и убили его. И так он крестился своею кровию, и принял венец мученический за великаго Судию, Иисуса Христа. И теперь в сию мечеть турки не ходят»³³.

В официальной истории Османской империи подобные казусы не известны. Однако различные версии диспутов на тему: чей бог сильнее, чья вера/религия более правильная, какую из них следует принять и т.п. уже задолго до Парфения кочевали с завидным постоянством по страницам средневековых рукописей и хождений предыдущих паломников и летописцев.

К изложенному выше сюжету примыкает уже реальная история, связанная с султаном Махмудом, скончавшимся в 1839 г. Священник, сопровождавший Парфения в Константинополе (паломнику не нравится новое название города – Стамбул) рассказал, что после русско-турецкой войны 1828 года султан «сделался добр и милостив для христиан... Христиане на него смотрели, как на отца; турки же его ненавидели, и называли неверным и христианином. ... И много он переменил турецких обычаев. И смерть его, говорят, была насильственная...»³⁴.

Истоки данной информации священника свежи и связаны с египетским кризисом 1831–1833 гг. Император Николай I активно поддержал султана Махмуда II против взбунтовавшегося египетского паши Мехмеда (Мегмет, Мухаммед, Муххамед)–Али, заключив оборонительный русско-турецкий союз, вошедший в историю как Ункьяр-Искелесийский договор 1833 г. В ноябре 1832 г. генерал Н. Н. Муравьев-Каррский был направлен императором в Константинополь и Александрию для оказания дипломатической помощи турецкому султану в период обострения отношений между Турцией и египетским Мехмед-Али-пашой.

Примечательно сообщение Муравьева о подозрении императора, что исходя из остроты ситуации, «султан склонен к принятию, в случае крайности, христианской веры», о чем государь предупредил генерала на тот случай, если тот в разговорах с султаном услышит или заметит что-либо подобное. «Наконец если б он (султан. – С. М.) был изгнан из своего царства, то он найдет у Меня приют», – заключил Николай I. Муравьев отмечает: «По возвращении моем из Турции я заметил, что Государь изменил свой образ мыслей на сей счет; обращение султана в христианство казалось Ему делом несбыточным и даже недоступным». Попутно заметим, что Махмуд II, султан-реформатор, действительно воспринимался турками как «султан-гяур», то есть султан-неверный³⁵.

В рамках краткого анализа поднятой темы мы попытались лишь очертить небольшой круг вопросов, заслуживающих более детального исследования рассматриваемого памятника, вошедшего в сокровищницу русской культуры XIX в.

Для «Сказания» паломника, как и для литературы путешествий, характерна индивидуальность стиля и субъективность взгляда, т.к. объективная реальность воспринимается через призму наблюдателя (у схиигумена Парфения (Агеева) – через призму православной оптики). В результате текст путешествия гораздо больше говорит о самом авторе, о его мире, чем о чем-либо другом³⁶.

Изучение образа «Другого/Иного» требует учета такого фактора, как конфессиональный изоляционизм, который Парфений испытывал к инаковерующим туркам, подкрепленный реалиями их действий в отношении завоеванных христианских народов. Постоянное противопоставление ислама христианству, берущее свое начало с периода раннего средневековья, укрепились в массовом сознании и дошло до XIX в., не претерпев особых изменений. Неприязненное восприятие турок в данном случае неизбежно должно было привести и привело к созданию негативного образа.

Думается, в ходе дальнейшего исследования «Сказания» схиигумена Парфения в сочетании с другими путевыми записками и иными источниками позволит глубже изучить проблемы формирования и бытования у россиян общих представлений о турках (как и о других народах) – инокультурные образы «Другого» – представителей иной культуры, являющихся составной частью картины внешнего мира с позиций историко-имагологического подхода*.

* С. К. Милославская предлагает русский вариант наименования имагологии – «образоведение». Подробнее см.: Милославская С. К. Русский язык как иностранный в истории становления европейского образа России. М., 2008. С. 29.

- ¹ Наумкин В. В. Россия и исламский мир // Татарстан. 2007. № 3. С. 8.
- ² Ерофеев Н. А. Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских. М.: Наука, 1982. С. 9.
- ³ Белокреницкий В. Я. Восток в XXI веке – перспективы эволюции и положения в системе международных отношений. URL: <http://www.vlgan.ru/publications/228> (дата обращения: 12.01.2016).
- ⁴ См., напр.: Лотман Ю. М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3-х т. Таллинн: Изд-во «Александр», 1992. Т. 1.
- ⁵ Прокофьев Н. И. Древнерусские хождения XII–XV веков. Автореф. дис... докт. филол. наук. М., 1970. С. 27.
- ⁶ Литвинов В. П. Россия и Восток: связующие нити паломничества // Россия и Восток: взаимодействие стран и народов: Труды X Всероссийского съезда востоковедов, посвященного 125-летию со дня рождения выдающегося востоковеда Ахмет-Заки Валиди Тогана. Кн. 1. Уфа: ИИЯЛ УРАН, 2015. С. 185–188.
- ⁷ Полное собрание законов Российской империи 1. Т. 2. СПб., 1830. № 916. С. 392.
- ⁸ Полное собрание законов Российской империи 1. Т. 4. СПб., 1830. № 1804. С. 71.
- ⁹ Подробнее см.: Муртузалиев С. И. Болгария в тени полумесяца. Изучение истории Болгарии и Османской империи в России (XV – первая половина XIX в.). М.: Мамонт, 2013. С. 94–106.
- ¹⁰ Инок Парфений (Агеев). Странствия по Афону и Святой Земле. М.: «Индрик», 2008. 271 с., илл.; Автобиография инок Парфений (Агеев). М.: «Индрик», 2015. 430 с., илл.
- ¹¹ Автобиография монаха Парфения (бывшего в Молдавии раскольника, затем постриженника русского Пантелеимонова монастыря на Афоне). URL: http://bookz.ru/authors/parfenii-ageev/avtobiog_606/1-avtobiog_606.html (дата обращения: 03.11.2015).
- ¹² Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника Святых Горы Афонския инока Парфения. М.: Тип. А. Сомова, 1856. Изд-е 2-е, доп. Ч. II. С. 3–4.
- ¹³ Там же. Ч. II. С. 177.
- ¹⁴ Панин А. Схиигумен Парфений Агеев. Жизнь и труды на благо церкви. URL: http://old.berluki.ru/old/index-option=com_content&task=view&id=266&Itemid=114.php.html (дата обращения: 03.11.2015).
- ¹⁵ Автобиография монаха Парфения (бывшего в Молдавии раскольника, затем постриженника русского Пантелеимонова монастыря на Афоне). URL: http://bookz.ru/authors/parfenii-ageev/avtobiog_606/1-avtobiog_606.html (дата обращения: 03.11.2015).
- ¹⁶ В Москве состоятся I Парфениевские Чтения «Инок Парфений (Агеев) и русская духовная культура середины XIX века». URL: [HTTP://WWW.PRAVOSLAVIE.RU/JURNAL/30498.HTM](http://WWW.PRAVOSLAVIE.RU/JURNAL/30498.HTM) (дата обращения: 03.11.2015).
- ¹⁷ Сказание о странствии и путешествии по России ... Ч. I. С. IV.
- ¹⁸ Панин А. Схиигумен Парфений Агеев. Жизнь и труды на благо церкви.
- ¹⁹ Подробнее см.: Панин А. Схиигумен Парфений Агеев. Жизнь и труды на благо церкви.
- ²⁰ Из письма Дружинина А. В. к Тургеневу И. С. от 19 сентября 1858 года // Тургенев и круг «Современника»: Неизданные материалы. 1847–1861 годы. М.; Л., 1930. С. 215–218.
- ²¹ Церковно-научная конференция «Строитель спасения: К 130-летию преставления схиигумена Парфения (Агеева)». URL: http://www.sedmitza.ru/data/967/998/1234/286_287.pdf (дата обращение: 03.11.2015); Юлия Зайцева. Чтения «Инок Парфений (Агеев) и русская духовная культура середины XIX века» состоялись в Москве. URL: <http://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=3&id=27887> (дата обращения: 03.11.2015).
- ²² Козак К.-Я. Ориенталистический взгляд на Россию в словенской путевой литературе. // Россия и русский человек в восприятии славянских народов / Отв. ред. А. В. Липатов, Ю. А. Созина. М.: ООО «Центр книги Рудомино», 2014. С. 197.
- ²³ Голубев А. В., Поршнева О. С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М.: Новый хронограф, 2012. С. 9.
- ²⁴ Сказание о странствии и путешествии ... Ч. II. С. 9–10.
- ²⁵ Там же. Ч. I. С. 153–154.
- ²⁶ Там же. Ч. I. С. 154.
- ²⁷ Там же. Ч. I. С. 155.
- ²⁸ Там же. Ч. I. С. 142–143.
- ²⁹ Там же. Ч. II. С. 37–38, 43, 46–48 и т.д.
- ³⁰ Там же. Ч. II. С. 55–56.
- ³¹ Там же. Ч. II. С. 85.
- ³² Там же. Ч. III. С. 27–29.
- ³³ Там же. Ч. III. С. 30–33.
- ³⁴ Там же. Ч. III. С. 34.
- ³⁵ Муртузалиев С. И. Дипломатическая миссия генерала Н. Н. Муравьева в Египет и Турцию // Диалог со временем. Вып. 47. М.: ИВИ, 2014. С. 268, 282–283.
- ³⁶ Hulme P. Travelling to Write (1940-2000) // The Cambridge Companion to Travel Writing. Cambridge, 2002. P. 88.